

ГЕРОИКА, ПОЭЗИЯ

«Что может быть прекраснее и благороднее задачи художника: жить с народом, идти с ним вперед, развивать его вкусы, обогащать его духовный мир, приобщать к нетленной красоте классики, уметь чутко прислушиваться к высоким требованиям миллионы зрителей, знакомить их с лучшими произведениями, воспитывать их в духе великих коммунистических идей!» — писал на страницах газеты «Правда» в статье «Сила вдохновения» народный артист СССР Николай Павлович Охлопков.

Исполняется восемьдесят лет со дня рождения замечательного режиссера, горячего приверженца героического направления в советском театре, отражавшего на сценических подмостках оптимизм советских людей, мощь их чувств.

О творчестве Охлопкова написано немало, многие его постановки стали сегодня славной историей советского театра. Спектакль по повести М. Горького «Мать», поставленный в 1933 году, стал подлинной театральной легендой.

Работая над материалами о творчестве Н. П. Охлопкова, я попыталась восстановить картину по фотографиям из архива Театрального музея имени А. Бахрушина и по одной-единственной кинопленке, хранящейся в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов СССР, запечатлевшей сцены из «Матери».

Итак, попробуем представить себе спектакль.

Один из снимков в фотоархиве Театрального музея имени А. Бахрушина невольно притягивает взгляд: лучом софита выхватывается маленькое пространство в центре сцены, будто среди тяжелой ночи предреволюционной России вспыхивает теплый, огонек. Освещенной оказывается группа людей, сидящих вплотную друг к другу вокруг стола с газетами и листовками. Это эпизод сходимки.

Сцена выстроена четко, лаконично, словно отлита в бронзе. Захотелось оживить ее — ведь спектакли Охлопкова славятся не только скульптурной лепкой мизансцен, но и воспринятым Николаем Павловичем от его учителя Вс. Мейерхольда умением прочертить напряженное, динамичное движение героев по площадке. Для этого опять необходимо «зримое» свидетельство. Вот оно передо мной — на экранчике в просмотровом зале архива кинофотофонодокументов.

...Тревожные удары колокола. На сцене возникает сгорбленная фигурка Пелагеи Власовой. Вздохмаченный, в расстегнутой рубашке муж замахивается на нее палкой. Внезапно вбегает Павел, останавливает отца за руку. Резкой драматической нотой начинается спектакль. А теперь на экране — знакомая по бахрушинскому музею сцена сходимки. Ее прерывает обыск жандармов. Листы бумаги взлетают в воздух, раздается смелый возглас подпольщика: «Подними книги!».

Кинопленка запечатлела и сценическую среду, в которой разворачивались события «Матери». В спектакле не существовало ни кулис, ни задника, как, впрочем, и традиционного деления на сцену и зрительный зал. В центре зала высилась круглая площадка со ступенями, напоминавшая трибуну, вокруг нее собирался народ на революционных митингах. Вдоль стен устанавливались дополнительные подмостки, переходившие в небольшие игровые площадки, акклинивавшиеся в партер. Вспомнились слова художника спектакля Я. Штоффера, записанные Вс. Вишневским и хранящиеся в архиве драматурга в ЦГАЛИ: «Захватила книга. Может, памятник! Быть может, как постамент». Действительно, художник и режиссер, используя монументальную, обобщенную сценическую форму, стремились утвердить героизм, легендарность революционных событий в России.

Особенно полно это ощущалось зрителями в сцене первомайской демонстрации. На центральной площадке-трибуне плечом к плечу стояли Павел Власов, его товарищи, мать, в руках у которой было алее знамя. Они запевавали: «Вставай, поднимайся, рабочий народ». По лесенкам, проходам сбегались к площадке-трибуне демонстранты. Рождалось впечатление, что весь зрительный зал превращался в заводской район, по узким улочкам которого торопился на свой праздник рабочий люд.

В прекрасно проведенной Охлопковым массовой сцене захватывают не только ее мощные ритмы, но и лица людей, вышедших на манифестацию. Вот камера приближает Павла Власова — А. Абрикосова. Открытый, энергичный, он весь — порыв навстречу будущему. Еще крупный план: Ниловна — Е. Мельникова. В глазах старой работницы — теплота к сыну и материнская гордость.

Однако хроникальный ролик длится всего лишь минуты. Многое остается, естественно, за кадром. А ведь именно через основных персонажей, их личную и общественную судьбу выражаются «атмосфера, жизнь, человечность, темперамент, мысль пьесы», — подчеркивал Охлопков в письме С. Эйзенштейну. Значит, надо отправляться в путь за подробностями об актерских работах в постановке Охлопкова.

Уютная квартира на улице Горького. Ее хозяин, народный артист СССР Н. Плотников, удобно расположившись в кресле, охотно делился пережитым. Николай Сергеевич играл в «Матери» роль Андрея Находки. «Охлопков удивительно ценил дарование работавших с ним актеров, он восхищался, когда исполнитель «загорался» ролью, радовался его инициативе, фантазии», — рассказывал Н. Плотников.

Перелистываю страницы записной книжки, наталкиваюсь на увлекательный спор исполнителя с постановщиком: «Сценическая площадка, окруженная зрителями, заставляла меня глубже сосредоточиться на внутренней жизни образа. Мне стали мешать, сковывать воображение предметы домашнего обихода, которые Охлопков предлагал нам для убедительности жестов, движений».

Мне казалось, что за внешним действием пропадала мысль Горького. Однажды на репетиции я не вытерпел и попросил Николая Павловича разрешить мне сыграть сцену встречи с Ниловной по-иному. Я поднялся по лесенке на площадку, поздоровался с Ниловной и стал просто произносить горьковские фразы. Слова были такие пронзительные, что они вызвали слезы у меня, моей партнерши Мельниковой, не удержался и сам Охлопков. Я спустился с площадки и вышел из зрительного зала. Когда я вернулся, Охлопков обнял меня: «Так и оставайся».

«Так и оставайся», — мог бы сказать и себе режиссер, трактовавший горьковскую «Мать» как эпическое сценическое полотно, где в равной степени присутствовали обобщение, жизненная правда и поэзия в изображении героев революции. Но впереди Охлопкова ждали разнообразные открытия: спектакль-карнавал «Аристократы», алый стяг, заполнивший сцену в «Молодой гвардии», знаменитая «дорога цветов» в «Иркутской истории». И всегда он оставался верен главному — высокой партийности, принципиальности, требовательности в искусстве.

Г. ПИКУЛЕВА.